

ГРАММАТИКА

УДК: 81.2.2

Л. А. Ильина

Институт филологии СО РАН

К проблеме социокультурной детерминации эвиденциальных граммем и оппозиций в языках Северной Азии

В статье аргументируется: 1) что в самодийских и юкагирских языках сохранились диахронически ранние эвиденциальные глагольные граммемы и оппозиции; 2) что эти граммемы и оппозиции самодийских и юкагирских языков являются существенно сходными типологически; 3) что в диахронической ретроспективе эти граммемы и оппозиции сопоставляемых языков детерминировались одинаковыми экстралингвистическими факторами, в первую очередь – древней ментальной оппозицией видимого и невидимого.

Ключевые слова: грамматикализованная эвиденциальность, языки Северной Азии, диахронически ранние граммемы и оппозиции, социокультурная детерминация, междисциплинарный подход.

Введение

В предшествующих работах мы отмечали и аргументировали, что наличие детерминирующей глагольной категории эвиденциальности (засвидетельствованности) с центральной категориальной оппозицией глагольных граммем прямой / косвенной засвидетельствованности является одним из наиболее универсальных и существенных лингво-типологических признаков исконных языков Северной Азии, который обуславливает их особый языковой «тип» (в терминологии Э. Косериу) или «супертип» (в терминологии П. В. Дурст-Андерсена). Это глубинно отличает такие языки от инотипных языков, не имеющих детерминирующей глагольной категории эвиденциальности и детерминированных другими типобразующими глагольными категориями – темпоральности и аспектуальности [см.: Ильина, 2006; 2013].

Постановка проблемы социокультурной детерминации эвиденциальных граммем и оппозиций в языках коренных этносов Северной Азии представляется актуальной и научно значимой в связи с назревшими, но еще не решенными задачами объяснения высокой концентрации языков с детерминирующей глагольной категорией эвиденциальности в языковом ареале Северной Азии и сопредельных с ним языковых ареалах Евразии и Америки.

Поэтому в текущих и планируемых сопоставительных лингво-типологических исследованиях эвиденциальных глагольных граммем и эвиденциальных грамматических оппозиций в языках коренных этносов Северной Азии и шире – в языках, давно локализованных в иных ареалах, но имеющих вероятное североазиатское происхождение, мы стремимся верифицировать гипотезу, что североазиат-

Ильина Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора тунгусо-маньчжуроведения ФГБУН Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация, e-mail: ludil60@mail.ru, тел: 89095331454.

ский языковой ареал был древним центром грамматикализации эвиденциальной семантики в системе глагола и генезиса глагольной категории эвиденциальности (далее – ГКЭ).

Предполагается, что эта типобразующая грамматическая инновация первоначально возникла, распространилась и узуализировалась в североазиатском языковом ареале, а отсюда могла распространиться и узуализоваться в других, в первую очередь смежных языковых ареалах Евразии и Америки вследствие главным образом исторических миграционных процессов, а также межязыковых контактов. Но в таком случае именно в североазиатском языковом ареале должны были первоначально сложиться и долговременно сохраняться экстралингвистические социокультурные (материально-культурные и/или духовно-культурные) детерминанты, обусловившие грамматикализацию эвиденциальной семантики в глагольных системах языков североазиатского происхождения и долговременное сохранение в них детерминирующей ГКЭ с центральной категориальной оппозицией глагольных граммем прямой/косвенной засвидетельствованности.

Необходимая и достаточная верификация изложенной гипотезы может быть, по нашему мнению, достигнута только при осуществлении широкого междисциплинарного сопоставительного исследования эвиденциальных систем языков коренных этносов Северной Азии и Америки, обслуживавших до недавнего времени традиционные культуры древнего происхождения. Логично ожидать, что на документированных срезах именно этих языков, особенно в архаичных текстах традиционного фольклора могли сохраниться диахронически ранние, а возможно и генетически первичные, то есть наиболее древние эвиденциальные граммемы и оппозиции.

Поскольку этнические культуры и языки индейцев Америки находятся вне нашей научной компетенции, а доступные нам сведения об эвиденциальных системах этих языков ограничены и недостаточно информативны, наши текущие и планирующиеся исследования проблемы социокультурной детерминации эвиденциальных граммем и оппозиций преимущественно охватывают только ряд этнических культур и языков Северной Азии. В первую очередь, это самодийские и юкагирские языки и этнические культуры.

В данной статье аргументируется лингво-типологически и междисциплинарно (с привлечением данных исторической этнологии и фольклористики), во-первых, что диахронически ранние, а возможно, и генетически первичные эвиденциальные граммемы и оппозиции сохранялись на документированных срезах или в недавней диахронической ретроспективе самодийских и юкагирских языков; во-вторых, что эти самодийские и юкагирские эвиденциальные граммемы и оппозиции существенно сходны типологически и детерминированы в диахронии идентичными или сходными социокультурными факторами.

Ментальная оппозиция видимого и невидимого как детерминант эвиденциальных граммем и оппозиций в самодийских языках

Ментальная оппозиция видимого и невидимого рассматривается в зарубежной и отечественной этнологии как одна из наиболее универсальных и центральных в структуре бинарных оппозиций древнего мифологического типа мышления, прослеживающегося, в частности, в традиционных культурах коренных этносов Америки и Северной Азии [см.: Леви-Строс 1983; Мелетинский 1983; Островский 1997: 5–20]. Опираясь на междисциплинарные данные исторической этнологии, лингвистики и фольклористики, мы полагаем, что фундаментальная ментальная оппозиция видимого и невидимого была с глубокой древности присуща традиционному мифологическому мировоззрению и мышлению самодийцев и еще до относительно недавнего времени имела серьезные вполне конкретные и эмпирически верифицируемые опоры в их материальной и духовной культуре.

Например, одним из древнейших типов жилища для традиционных культур охотников и оленеводов-охотников Северной Азии считается конический чум [см.: Хомич, 1966, с. 101–113; Симченко, 1976, с. 152–167]. Среди его многих характеристик важны в контексте данного исследования визуальная замкнутость при высокой звукопроницаемости. Поэтому издревле типичными были ситуации языкового общения, в которых говорящий находился внутри чума, а сообщал о невидимом событии, происходящем вне чума, и напротив – говорящий находился вне чума, а сообщал о невидимом событии, происходящем внутри чума. В обоих случаях сообщаемый факт находился вне поля зрения говорящего и устанавливался не визуально, а на слух, по акустическим признакам происходящего события.

В самодийских языках в рассмотренных ситуациях языкового общения регулярно употреблялась особая эвиденциальная сенсорная граммема незрительной чувственной засвидетельствованности, указывающая в базовом значении на слуховое восприятие говорящим невидимой реальной ситуации. В Евразии такая граммема доказательно выделена только в самодийских языках. В самодистике она традиционно обозначается термином «аудитив».

Проиллюстрируем сказанное примерами употребления сказуемого в форме аудитива (показатель =моно= (=воно=) с вариантами) в ненецком традиционном фольклоре.

I. Свидетель находится внутри чума, а сообщает о событии, происходящем вне чума:

(1) **нен.**

Мякна, мядикона' мяня мэва', пиня амгэм' пэртувнава'? Амгэ' пирка'на об' эдалёда **то=воно=да** (AUD/3SG).

'Мы живем в нашем чумике, что нам делать на улице? Через некоторое время, **слышно, приехал** один ездок.' (ЭПН, с.150;161)

(2) **нен.**

Мякна' тэвын'на. Орцава, хонэйна'. Немав хая. Пиня сиди хибяри **ланако=во=дь'** (AUD/3DU).

'Мы дошли до чума. Поели и легли спать. Я проснулся. На улице, **слышно, разговаривают** два человека.' (ЭПН, с.246; 260)

(3) **нен.**

Пихи-пихиня цоб"маренуй нё' ядан' **яльцеда=ванон=да** (AUD/3SG).

'Снаружи, **слышно**, один перелетный около входа в чум **упал с грохотом.**' (НЭ, с. 160; 168)

(4) **нен.**

р̄х̄ий̄не̄ š̄idē ṅ̄ǟd̄q̄l̄ō̄d̄ē̄ t̄ō̄=β̄β̄q̄n̄ō̄n̄=ḡ''(AUD/3DU), n̄ū̄l̄t̄ā̄=β̄q̄n̄ō̄n̄=ḡ''(AUD/3DU). p̄ō̄m̄n̄q̄n̄ḡ'' l̄ā̄x̄q̄n̄q̄k̄k̄ū̄=β̄ō̄n̄=ḡ''(AUD/3DU), m̄ā̄=m̄m̄ō̄n̄ō̄n̄=ḡ''(AUD/3DU): «š̄īβ̄t̄īē̄ x̄q̄v̄ī̄n̄i'' p̄ǟḡ̄x̄ē'' t̄q̄ñ̄ē̄ḡ̄ē̄t̄i''.»

Draussen hört man die Ankunft von zwei Fahrern, man hört sie anhalten, miteinander sprechen, man hört sie sagen: «der Siebenklafter-Ostjake pflegt getrocknetes Fleisch zu haben.» (Lehtisalo T., p.89)

'Снаружи (вне чума) два ездока (на легковых нартах) **подъехали=слышно. Остановились=слышно.** Между собой **разговаривают=слышно. Сказали=слышно:** «У Высокорослого (Семисаженного) чужеземца обычно есть сушеное мясо».'

Обратим внимание, что в примере (4) в последнем предложении употреблен в форме аудитива речевой глагол, вводящий цитируемую чужую речь. В недавно опубликованной статье, посвященной феномену грамматического выделения речи невидимого говорящего, мы детально аргументировали, что в подобных высказываниях (см. также примеры (5) и (6)) аудитивная форма речевого глагола, вводящего цитируемую чужую речь, указывает, что говорящий, автор речи, невидим для свидетеля речи, воспринимающего ее только на слух. Если же свидетель видит говорящего, то цитируемая речь вводится теми же речевыми глаголами, но не в аудитивной форме, а, как правило, в индикативных формах, указывающих в самодийских языках на отчетливое зрительное восприятие ситуации. Таким образом, в ненецком и других самодийских языках грамматически противопоставляется или противопоставлялась в недавнем прошлом речь видимого и невидимого говорящего [Ильина, 2014].

II. Свидетель находится вне чума, а сообщает о событии, происходящем внутри чума:

(5) **нен.**

Ян' нё' хэван' тэвые', нябав **ярсуб=вон=да** (AUD/3SG). Пыда **ма=mano=да** (AUD/3SG) : ^ Не надов ханакы. (ЭПН, с. 378; 391)

'Я до входа в чум дошла. Невестка (в чуме) **плачет= слышно.** Она **говорит=слышно:** – Моя золовка умерла, наверное.'

(6) **нен.**

Мяд' хазона ти изелем'. Няр' хасава **лаханако=вон=до'** (AUD/3PL). Нисяв Хаторо **пыда ма=mano=да** (AUD/3SG): – Наро я' тэта' арка ню, пыдар вэван.

'Вот я слушаю, [стоя] около чума. **Слышно, говорят** трое мужчин. Мой отец Хаторо, **слышно, говорит:** – Старший сын Наро, ты плохой.' (ЭПН, с. 477; 501)

(7) **нен.**

Си'ивда Ноёця мяканда ядалй' Тикы ядарманда пон' мэвы һэбтав', мер'товы һэбтав, пэвсюмдёхона мякы мякна хадада яр=мон=да (AUD/3SG).

‘Сив Ноеця зашагал к чуму. Как пошел, долго ли шел, скоро ли шел, в темноте в чуме слышно, плачет его бабушка.’ (ЭПН, с. 62; 80)

Подчеркнем, что в приведенных примерах (1) – (7) самодийская граммема аудитива с инвариантной семантикой «незрительная чувственная засвидетельствованность» выступает в своем базовом и, вероятно, диахронически первичном значении «слуховое восприятие невидимой ситуации». Сопреженность этого значения с константными свойствами одного из древнейших типов жилища исконных этносов Северной Азии – конического чума – дает основание для гипотезы о глубокой древности граммемы аудитива. Косвенными аргументами верности данной гипотезы являются: а) употребление аудитива в древней сфере сакрального общения самодийцев, в сообщениях шаманов о поведении и пожеланиях невидимых духов; б) наличие близких типологических аналогов самодийского аудитива в ряде языков индейцев Америки. Однако положительная верификация гипотезы требует доказательной аргументации существования типологических аналогов самодийского аудитива в других языках Северной Азии, в частности, в юкагирских языках.

Ниже представлена модель общесамодийской ядерной категориальной парадигмы ГКЭ, ориентированная на поиск и обоснование аналогов самодийских эвиденциальных граммем и оппозиций в юкагирских языках и других языках Северной Азии. Общесамодийская ядерная парадигма ГКЭ смоделирована с учетом двух языковых уровней: 1) глубинного и исключительно устойчивого в диахронии уровня «системы», соотношенного с оппозициями базовых значений ядерных эвиденциальных граммем; 2) значительно более изменчивого в диахронии уровня «нормы», соотношенного с двухсторонними носителями этих граммем – служебными морфемами эвиденциальных глагольных форм.

Модель общесамодийской ядерной парадигмы ГКЭ

	С. Подсистема (субкатегория) прямой засвидетельствованности	↔	Д. Подсистема (субкатегория) косвенной засвидетельствованности
А. Подсистема (субкатегория) чувственной засвидетельствованности реальной ситуации	АС Уровень «системы» – граммема с базовым значением отчетливого зрительного восприятия ситуации Уровень «нормы» – морфемы, сменяющиеся в диахронии, но воспроизводящие граммему АС	↔	АД Уровень «системы» – граммема «аудитива» с базовым значением слухового восприятия невидимой ситуации Уровень «нормы» – морфемы, сменяющиеся в диахронии, но воспроизводящие граммему АД
В. Подсистема (субкатегория) ментально-вербальной засвидетельствованности сообщаемой информации	ВС Уровень «системы» – граммема с базовым значением «личная отчетливая память о прошлой ситуации» Уровень «нормы» – морфемы, сменяющиеся в диахронии, но воспроизводящие граммему ВС.	↔	ВД Уровень «системы» – граммема «медиатива», совмещающая значения инференции и пересказа Уровень «нормы» – морфемы, сменяющиеся в диахронии, но воспроизводящие граммему ВД

Символом ↔ обозначены основные варианты реализации центральной категориальной оппозиции глагольных граммем прямой / косвенной засвидетельствованности: АС/АД; АС/ВД; ВС/ВД. Все они отражают ментальную оппозицию видимого/невидимого, но в разной мере. Оппозиция АС/АД образует в самодийских языках субкатегорию чувственной засвидетельствованности, которая до обнаружения ее юкагирского аналога выглядела уникальной на евразийском фоне. В ней противопоставлены граммема с базовым значением «отчетливое зрительное восприятие ситуации» (АС) и граммема «аудитива» с базовым значением «слуховое восприятие невидимой ситуации» (АД). Оппозиция АС/АД обуславливает грамматически обязательную в самодийских языках дифференциацию чувственно воспринятых реальных ситуаций, репрезентированных в сообщениях, на видимые и невидимые и наиболее отчетливо отражает в эвиденциальных системах самодийских языков древнюю ментальную оппозицию видимого и невидимого. По данному критерию мы считаем оппозицию АС/АД

диахронически наиболее ранней в сравнении с другими выделенными ядерными эвиденциальными оппозициями (АС/ВД и ВС/ВД) и не исключаем ее генетической первичности в эвиденциальных системах не только самодийских языков, но и вообще языков северноазиатского происхождения с детерминирующей ГКЭ. Поэтому особо важна доказательная аргументация существования сенсорной эвиденциальной оппозиции, типологически сходной с АС/АД, в диахронии юкагирских языков, в которых подобная оппозиция ранее не выделялась.

Отражение ментальной оппозиции видимого и невидимого в юкагирских языках

На документированных срезах юкагирских и самодийских языков в существенной мере сохранилась общая для них архаичная типологическая черта – дифференциация явлений действительности, репрезентируемых в языковых сообщениях, на видимые и невидимые, реализуемая дейктическими системами и другими языковыми средствами. В самодийских языках системным центром такой дифференциации в обозримой диахронии была оппозиция глагольных граммем чувственной засвидетельствованности: граммема с базовым значением «отчетливое зрительное восприятие ситуации» и граммема «аудитива», указывающей в базовом значении на слуховое восприятие невидимой ситуации (см. оппозицию АС/АД в модели общесамодийской парадигмы ГКЭ). Логично ожидать подобную оппозицию глагольных граммем чувственной засвидетельствованности и в диахронии юкагирских языков, как по аналогии с самодийскими языками, так и вообще по лингво-типологическому критерию сопряженности ГКЭ с особенностями дейктических систем и в целом с особенностями языкового структурирования пространства.

На такую сопряженность в юкагирских языках обратил внимание Е. А. Крейнович. Он отметил, во-первых, что «юкагиры различают пространство видимое, находящееся в поле зрения человека, и пространство невидимое, находящееся вне поля зрения человека» [Крейнович, 1982, с. 153]; во-вторых, что «представление о явлениях зримых и незримых имеет в юкагирском особое отражение» [Там же, с. 139]. В качестве основных средств отражения в юкагирских языках «зримых» и «незримых» явлений Е. А. Крейнович выделил указательные местоимения, имеющие «специальные формы для указания на предмет видимый и невидимый» и «противопоставление наклонений изъявительного и неочевидного» [Там же, с. 139]. Важно подчеркнуть, что изъявительное наклонение юкагирских языков Е. А. Крейнович называл «очевидным» в прямом смысле «так как говорящий сообщает при помощи форм этого наклонения о событиях, которые он видел, в то время как при помощи форм неочевидного наклонения он сообщает о событиях, зрителем которых он не был» [Там же, с. 139].

Оппозиции глагольных форм очевидности / неочевидности в обоих сохранившихся юкагирских языках – колымском и тундрном – Е. А. Крейнович описал одинаково и в семантическом, и в формальном аспектах. Он выделил одну глагольную форму «очевидности», которую называл также «аористом» или «настояще-прошедшим временем» изъявительного наклонения, отметив отсутствие у нее специальных материально выраженных показателей времени и наклонения. В обоих юкагирских языках эта форма «очевидности» с нулевым показателем (далее – $=\emptyset$) противопоставлялась «определенной» и «неопределенной» формам «неочевидного наклонения», имеющим суффиксальные показатели $=л'эл$ (с вариантами) и $=л'элтэ$ ($=л'эл+=тэ$). Противопоставленность формы очевидности обеим формам неочевидности, особенно «определенной» форме на $=л'эл$, объяснена в терминах чувственного восприятия: видел или не видел говорящий событие, о котором сообщает [Там же, с. 139–143].

Казалось бы, что такое толкование семантики противопоставленных юкагирских форм «очевидности» и «неочевидности» указывает не просто на оппозицию глагольных граммем прямой / косвенной засвидетельствованности, а на оппозицию глагольных граммем чувственной засвидетельствованности: зрительной и незрительной. Тем более что, предлагая свое толкование, Е. А. Крейнович опирался на метаязыковые комментарии юкагиrow, которые объясняли употребление рассматриваемых форм, прежде всего, тем, что в одних случаях говорящий видел, а в других не видел то, о чем говорит. [Там же, с. 140]. Это реальный и показательный факт языкового сознания юкагиrow. Но носители самодийских языков аналогично осмысливали оппозицию прямой / косвенной засвидетельствованности во всех основных вариантах ее реализации, а не только в собственно чувственном варианте. Например, по свидетельству Н. М. Терещенко, ненецкую глагольную форму «неочевидности» с показателем $=вы$ ($=мы$), употребляющуюся в основных значениях пересказа и инференции (как и юкагирская

форма «неочевидности» на =л'эл=) сами информанты, носители ненецкого языка, называли «заглазной» [Терещенко, 1952, с. 373].

Мы полагаем, что главным образом наличие в самодийских языках базового и генетически первичного чувственного варианта оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности, то есть противопоставленных глагольных граммем, указывающих на зрительное / не зрительное (слух, обоняние, осязание) чувственное восприятие ситуации, обусловило осмысление носителями этих языков других, «нечувственных», вариантов данной оппозиции в терминах «видимое» и «невидимое». Такая же детерминация языкового сознания проявляется, вероятно, и в метаязыковых сообщениях носителей юкагирских языков. В этом смысле показательно изложенное Е. А. Крейновичем объяснение тундренными юкагирами употребления формы на =л'эл= в пересказывательном (ренарративном) значении: «Допустим, пришел человек и сказал: *Мэт ел'д'э мэ-жуоһарэһ* 'Я лодку закончил'. Я слышал, что он сказал, но не видел этого, поэтому сообщение данного человека передам другому юкагиру так: *Тудэл ел'д'элэ мэ-виэл'элум*. 'Он лодку сделал' (но я не видел этого)» [Крейнович, 1982, с. 140]. Пересказывательному значению формы на =л'эл= здесь дано «заглазное», объяснение: 'Я знаю об этом, но не видел этого'.

Анализ представленного в работах Е. А. Крейновича фактологического материала обоих юкагирских языков, соотнесение его с интерпретацией В. И. Иохельсоном аналогичных фактов языка колымских юкагиров конца XIX – начала XX вв. позволили сделать следующие выводы: а) обе выделенные Е. А. Крейновичем формы неочевидного наклонения с показателями =л'эл= и =л'элтэ= не выражают на документированных срезах значений незрительной чувственной засвидетельствованности; б) форма с показателем =л'эл= совмещенно выражает два основных эвиденциальных значения: пересказывательное (ренарративное) и инферентное (инференциальное), являясь носителем граммемы косвенной опосредованной засвидетельствованности, типичной для языков «евразийского эвиденциального пояса» и обозначаемой в современной литературе терминами «медиатив» (опосредованность) или «эвиденциальный перфект»; в) форма с показателем =л'элтэ= возникла на базе формы =л'эл=, но является носителем граммемы не эвиденциальности, а эпистемической модальности с базовым значением предположительности («пробабилитива»); г) форма с показателем =Ø= имеет инвариантное значение прямой непосредственной засвидетельствованности наличной и прошлой реальной ситуации, но употребляясь в 3 л., типично указывает на отчетливое зрительное восприятие засвидетельствованной ситуации.

Данные выводы согласуются, на наш взгляд, с метаязыковыми комментариями колымских юкагиров, изложенными Е. А. Крейновичем: «Допустим, мы видим, что человек лежит, тогда мы говорим: *Тудэл қодој* 'Он лежит'. Если же мы увидим в лесу на снегу следы лежавшего охотника и знаем, кому они принадлежат, то скажем: *Тудэл қодол'эл* 'Он лежал' (хотя мы этого не видели). Если же полной уверенности в том, что именно он лежал, нет, то мы скажем: *Тудэл қодол'элтэл* 'Он, наверное, лежал'» [Там же, 1982, с. 140].

Если абстрагироваться от присутствующего в объяснении семантики формы с показателем =л'эл= (*қодол'эл*) эпистемического компонента, обусловленного, вероятно, логическим ударением, которое в юкагирских языках может указывать на известность либо неизвестность субъекта действия, то адекватной представляется следующая интерпретация данного комментария.

(1) *Тудэл қодол'элтэл* 'Он, наверное, лежал'.

Грамматическая форма глагольного сказуемого с показателем =л'элтэ= (=л'эл= + =тэ=) вполне отчетливо выражает значение эпистемической модальности – вероятностное предположение. Отметим диахронно-типологическую параллель с самодийскими языками, в которых тоже прослеживается развитие ряда глагольных форм вероятностного предположения на базе диахронически предшествовавших им эвиденциальных форм косвенной засвидетельствованности.

(2) *Тудэл қодол'эл* 'Он лежал' (говорящий видит и интерпретирует понятные ему следы прошлой ситуации).

Грамматическая эвиденциальная форма глагольного сказуемого с показателем =л'эл= выражает в данном контексте одно из значений косвенной опосредованной засвидетельствованности – инферентное (инференциальное), указывающее на умозаключение говорящего о лично не засвидетельствованной им прошлой ситуации по ее лично засвидетельствованным явным признакам.

Юкагирская глагольная форма с показателем =л'эл= полисемична и многофункциональна. Кроме инферентного она выражает в соответствующих контекстах другое значение косвенной опосредованной

засвидетельствованности – пересказывательное. Комулятивно с этими двумя совмещенными значениями, особенно с инферентным, она может выражать миративное значение, выходящее за пределы семантической зоны эвиденциальности. А употребляясь в 1л., указывает на неконтролируемость говорящим собственного действия или состояния. Форма на =л'эл= высокочастотна в произведениях традиционного фольклора юкагиров, типично употребляется в фольклорных зачинах, а прежде была коммуникативно нагружена в сакральной сфере, в том числе – в шаманских камланиях. Она является практически полным грамматико-семантическим и коммуникативно-функциональным аналогом самодийских форм «медиатива» – ненецкой формы с показателем =вы=(=мы=) и селькупской формы с показателем =(m)p=.

(3) Тудэл *қодој* 'Он лежит' (это видит говорящий).

Грамматическая эвиденциальная форма глагольного сказуемого с показателем =θ= (*қодо=θ=j*) указывает в рассматриваемом контексте на прямую непосредственную засвидетельствованность наличной реальной ситуации в варианте ее отчетливого зрительного восприятия свидетелем, сообщаемым о ней, то есть выступающим в роли говорящего. В данном контексте роли свидетеля и говорящего реализуются одновременно, то есть момент зрительного восприятия ситуации совпадает с моментом сообщения о ней. Поэтому юкагирская эвиденциальная форма глагола переведена русской темпоральной формой настоящего времени «лежит». Однако, в других контекстах роли свидетеля и говорящего могут быть разведены по времени и момент зрительного восприятия ситуации может значительно предшествовать моменту сообщения о ней. Следовательно, та же юкагирская эвиденциальная форма должна переводиться русской формой прошедшего времени. При этом сама реальная ситуация, о которой сообщается, всегда одновременна моменту ее зрительного восприятия, но часто разновременна с моментом сообщения о ней. Такие же специфические таксисно-темпоральные свойства имеют все самодийские формы чувственной засвидетельствованности, в особенности формы с базовым значением отчетливого зрительного восприятия реальной ситуации.

Сказанное дает основание считать юкагирскую форму прямой засвидетельствованности с показателем =θ= грамматико-семантическим аналогом самодийских форм прямой засвидетельствованности с базовым значением «отчетливое зрительное восприятие реальной ситуации» и, следовательно, индикатором прошлого существования в юкагирских языках субкатегории чувственной засвидетельствованности с оппозицией глагольных граммем, указывающих на зрительное / не зрительное чувственное восприятие засвидетельствованной ситуации. Ожидаемое типологическое сходство этой юкагирской оппозиции с самодийским аналогом предполагает у прогнозируемой юкагирской граммемы «незрительной чувственной засвидетельствованности» базовое значение аудитива, указывающее на слуховое восприятие невидимой ситуации, идентифицируемой по ее акустическим признакам – услышанным звукам.

Типологический аналог самодийского аудитива в языке колымских юкагиров

При поиске фактологических подтверждений существования граммемы аудитива в диахронии юкагирских языков мы обратили внимание на глагольную (бивербальную) аналитическую конструкцию (далее – АК), употребляющуюся в архаичных текстах традиционного фольклора колымских юкагиров в роли сказуемого эвиденциальных высказываний, указывающих: а) на слуховую засвидетельствованность ситуации, в том числе невидимой; б) на косвенную зрительную засвидетельствованность ситуации (издалека, смутно и т. п.); в) на пересказ ранее полученной вербальной информации. Настолько разные функции дают основание для вывода о высокой степени грамматикализации эвиденциальной семантики рассматриваемой АК. В роли ее основного (= знаменательного) компонента – носителя лексического значения АК – используется деепричастие на =(л)лă. Служебный компонент АК *мод=* (*мэд=*) – носитель многозначной эвиденциальной граммемы – восходит к основе глагола слухового восприятия *мóдi=* (*мэди=*) 'слышать', 'быть слышным'. Следовательно, первичным и базовым значением этой граммемы является значение аудитива.

В известных нам на данный момент примерах употребления рассматриваемой АК – деепричастие на =(л)лă + *мод=* – ее служебный компонент встречается только в формах 3 л. ед. ч. – *мóдič* (*мэдиč*) и 3 л. мн. ч. – *модуоңи* или *модуңи*. Эти словоформы в их самостоятельном употреблении (вне АК) В. И. Иохельсон обычно переводил русскими эквивалентами 'слышен', 'слышится' и 'слышны', 'слышатся'. Те же переводные эквиваленты мы используем в ряде контекстов при условном буквальном переводе служебного компонента *мод=* для наглядного представления его базового аудитивного значения.

Как было отмечено выше, в самодийских языках формы аудитива наиболее типично употребляются, если свидетель находится внутри визуально замкнутого пространства (например, внутри чума), а

и юкагирских языках феноменов грамматического маркирования речи невидимого говорящего и грамматического противопоставления речи видимого и невидимого говорящего.

Список литературы

Дурст-Андерсен П. В. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // *Вопр. языкознания*. №6. 1995. С. 30–32.

Ильина Л. А. Идентичность генетической структуры глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках // *Лингвистический беспредел – 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой*. М., 2013. С. 32–47.

Ильина Л. А. Эволюция эвиденциальных высказываний в самодийских языках // *Языки коренных народов Сибири*. Вып. 18. Новосибирск, 2006. С. 79–119.

Ильина Л. А. Феномен грамматического выделения речи невидимого говорящего в языках Северной Азии // *Сибирский филологический журнал*. Новосибирск, 2014. № 2. С. 200–209.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч.1. СПб., 1900.

Иохельсон В. И. Одульский (юкагирский язык) // *Языки и письменность народов Севера*. Ч. III. М.; Л., 1934. С. 149–180.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск, 2005.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // *Новое в лингвистике*. Вып. III. М., 1963. С. 143–343.

Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.-Л., 1958.

Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.

Крейнович Е. А. Юкагирский язык // *Языки Азии и Африки*. Ч. III. М. 1979. С. 348–368.

Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск, 2001.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.

Мелетинский Е. М. Мифология и фольклор в трудах Леви-Строса // *Леви-Строс К. Структурная антропология*. М., 1983. С. 467–522.

Островский А. Б. Мифология и верования нивхов. СПб., 1997.

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Проблемы генезиса и этногонии. Опыт историко-этнографической реконструкции. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1982.

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М., 1976.

Терещенко Н. М. О развитии грамматических категорий ненецкого языка (на примере категории причастия) // *Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию*. М., 1952. С. 375–386.

Хомич Л. В. Ненцы. М., 1966.

Список источников

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе Ч.1. СПб., 1900.

ЭПН – Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев. М., 1965.

НЭ – Терещенко Н. М. Ненецкий эпос. Л., 1990.

Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung. Helsinki, 1947.

Список условных обозначений и сокращений

AUD – форма аудитива;

1Sg – личный аффикс 1-го л. ед.ч.;

3Sg – личный аффикс 3-го л. ед.ч.;

3Du – личный аффикс 3-го лица двойственного числа;

1Pl – личный аффикс 1-го лица множественного числа;

Pl – личный аффикс 3-го лица множественного числа;

знак = – морфемный шов

нен. – ненецкий; **сельк.** – селькупский; **юк.** – юкагирский.

L. A. Pyina

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
ludil60@mail.ru*

Towards the problem of sociocultural determination of evidential grammemes and oppositions in North Asian languages

The paper argues: 1) that the Samoyed and Yukaghir languages have preserved diachronically early evidential grammemes and oppositions; 2) that these Samoyed and Yukaghir grammemes and oppositions are typologically similar; 3) that from the point of view of diachronical perspective these grammemes and oppositions of the languages compared were determined by identical extra-linguistic factors, first of all, by the ancient mental opposition of the visible and the invisible.

Keywords: grammaticalized evidentiality, North Asian languages, diachronically early grammemes and oppositions, sociocultural determination, inter-disciplinary approach.

References

- Durst-Andersen P.V. Mental'naya grammatika i lingvisticheskie supertipy [Mental Grammar and Linguistic Super-types]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1995, no. 6, pp. 30-32.
- Il'ina L.A. [Identity of Genetic Structure of the Verbal Category of Evidence in Samoyed and Yukaghir Languages] Identichnost' geneticheskoy struktury glagol'noy kategorii zasvidetel'stvovannosti v samodiyskikh i yukagirskikh yazykakh. *Lingvisticheskiy bespredel – 2. Sbornik nauchnykh trudov k 80-letnemyu yubileyu A. I. Kuznetsovoy* [Linguistic non-limits – 2. Issue of Papers dedicated to Prof. A. I. Kuznetsova's 80th anniversary]. Moscow, 2013, pp. 32-47.
- Il'ina L.A. Evolyutsiya evidentsial'nykh vyskazyvaniy v samodiyskikh yazykakh [Evolution of Evidential Statements in Samoyed Languages]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. [Languages of Aboriginal Peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2006, iss. 18, pp. 79-119.
- Il'ina L.A. Fenomen grammaticheskogo vydeleniya rechi nevidimogo govoryashchego v yazykakh Severnoy Azii [Phenomenon of Grammatical Distinguishing of the invisible speaker's speech in Languages of the Northern Asia]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal]. Novosibirsk, 2014, no. 2, pp. 200-209.
- Jokhel'son V.I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on Yukaghir Language and Folklore collected in the Kolyma River Region]. Saint-Peterburg, 1900, pt. 1.
- Jokhel'son V.I. Odul'skiy (yukagirskiy yazyk) [Odul (Yukaghir) Language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa* [Languages and Writing of Aboriginal Northern Peoples]. Moscow, Leningrad, 1934, pt. III, pp. 149-180.
- Jokhel'son V.I. *Yukagiry i yukagirizirovannyye tungusy* [Yukagir People and Yukaghirized Tungus Peoples]. Novosibirsk, 2005.
- Khomich L. V. *Nentsy* [The Nenets People]. Moscow, 1966.
- Koseriu E. Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya [Synchrony, Diachrony, and History]. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow, 1963, pt. III, pp. 143-343.
- Kreynovich E. A. *Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku* [Researches and Materials on the Yukaghir Language]. Leningrad, 1982.
- Kreynovich E.A. Yukagirskiy yazyk [Yukaghir Language]. In: *Yazyki Azii i Afriki* [Asian and African Languages]. Moscow, 1979, pt. III, pp. 348-368.
- Kreynovich E.A. *Yukagirskiy yazyk* [Yukaghir Language]. Moscow, Leningrad, 1958.
- Kurilov G.N. *Yukagirsko-russkiy slovar'* [Yukaghir-Russian Dictionary]. Novosibirsk, 2001.
- Levi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow, 1983.
- Meletinskiy E.M. Mifologiya i fol'klor v trudakh Levi-Strosa [Mythology and Folklore in Levi-Strauss's Works]. In: *Levi-Strauss C. Strukturnaya antropologiya* [Levi-Strauss, C. Structural Anthropology]. Moscow, 1983, pp. 467-522.
- Ostrovskiy A.B. *Mifologiya i verovaniya nivkhov* [Mythology and Beliefs of the Nivkh People]. Saint-Peterburg, 1997.
- Simchenko Yu.B. *Kul'tura okhotnikov na oleney Severnoy Evrazii: Etnograficheskaya rekonstruktsiya* [Culture of Deer-Hunters in the Northern Euro-Asia: Ethnographic Reconstruction]. Moscow, 1976.
- Simchenko Yu.B. *Kul'tura okhotnikov na oleney Severnoy Evrazii: Problemy genezisa i etnagonii. Opyt istoriko-etnograficheskoy rekonstruktsii*. Avtoref. diss. ... dokt. ist. nauk. [Culture of Deer-Hunters in the Northern Euro-Asia: Problems of the Genesis and Ethnogeny. Experience of the Historic and Ethnographic Reconstruction]. Moscow, 1982.
- Tereshchenko N.M. O razvitiy grammaticheskikh kategoriy nenetskogo yazyka (na primere kategorii prichastiya) [On Development of Grammatical Categories in the Nenets Language (as an Example Category of Participle)]. In: *Voprosy teorii i istorii yazyka v svete trudov I. V. Stalina po yazykoznaniyu* [Topics in the Theory and History of Language in the I. V. Stalin's Works on Linguistics]. Moscow, 1952, pp. 375-386.